

40 ДНЕЙ РОВЫ

Виктор Соломоник

Виктор Соломоник

40 дней ровы

«Издательские решения»

Соломоник В.

40 дней ровы / В. Соломоник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900912-8

Герой повести попадает на оливковую ферму. Его задача — очистить 100 деревьев от колючего кустарника, иначе деревья погибнут. На все у него есть сорок дней. Чья это ферма, как он сюда попал, и что с ним случится, если он не успеет все очистить, герой понимает в процессе повести.

ISBN 978-5-44-900912-8

© Соломоник В.
© Издательские решения

Содержание

40-й день	6
39-й день	8
38-й день	10
37-й день	12
36-й день	15
35-й день	18
34-й день	20
33-й день	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

40 дней ровы

Виктор Соломоник

Редактор Вячеслав Вышегородский

Корректор Юлия Королева

Дизайнер обложки Андрей Палий

Фотограф Виктор Соломоник

© Виктор Соломоник, 2017

© Андрей Палий, дизайн обложки, 2017

© Виктор Соломоник, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-0912-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

40-й день

Все стало смешанно, запутанно, сумбурно.

Передо мной простиралась рова. Нет, не простиралась – стояла стеной. Непроступная зелено-серая усеянная шипами стена. В глубинах могучей, возвышающейся на три-четыре метра колючей массы замурованы оливковые деревья. И они погибают.

Всему живому нужен свет для жизни. Растению светит солнце, человеку – другой человек. Нет света – нет жизни. Рова иглами цеплялась за маслины, росла, поднималась и покрывала деревья. Ветви ее переплетались и превращались в сумрачную, недоступную для солнца стену. И внутри этого мрачного колючего участка пятьдесят на пятьдесят метров умирало сто оливок. И я должен их спасти. Или обязан? Или хочу?

Слишком все запутанно, сумбурно и темно. Темно оливам, и в голове темно.

У меня есть сорок дней. Или будет? Или было? И почему сорок? Откуда взялась эта цифра?

Я, лопата и секатор – трое против двух с половиной тысяч квадратных метров ровы.

Лопату и секатор мне дал Пражка. Это я отчетливо помню. Я нахожусь на его ферме.

Но как я здесь оказался?

Память отказывалась отвечать. Кто-то посоветовал, и отправил, и организовал. И теперь я здесь. Сорок дней... всего сорок или целых сорок? И сейчас первый или сороковой?

Я посмотрел на рову. Непроходимая и непреодолимая, как терновник. Невозможно в одиночку уничтожить тебя и освободить живое. Но кто-то сказал, что возможно. Тот, кто отправил. Как его... Или это был я сам?

Я воткнул лопату в основание колючей стены и подкопал первый корень. Хм... не так все страшно. Я обхватил ствол кустарника, примерно в два пальца толщиной, – сейчас вытащу.

О! Черт!

Иголочки ровы пробили кожаные перчатки и вонзились в ладони. Пражка говорил, перчатки защитят от шипов. Черт! Как же больно!

Выданный корень висел в нескольких сантиметрах над тем местом, где недавно рос. Его ветви крепко обнимали другие стебли. Куст был неотделим. Часть единого целого. Атом легиона. Распятый на самом себе дьявол.

Я с тобой все равно справлюсь.

Аккуратно схватившись за основание ствола у корня, я потянул. Стена не шелохнулась. Она не отпускала даже маленький кусочек себя. Я дернул еще раз, еще – и сдался. Рова повисла, ее корень продолжал болтаться на том же месте.

Я сел напротив врага. Это бесполезно. Я не смогу. Я не одолел даже один куст.

Встал, повернулся, пошел к дому.

В тени в окружении бутылок, прислонившись к стене, сидел Романо. Чуть пьяный. Или наоборот – чуть трезвый. Или не там и не там. Нигде.

«Как обычно», – подумал я. Откуда я знаю? Я видел его в первый раз. Или давно знаком? Опять путаница.

Романо молча протянул бутылку и грустно улыбнулся. Он – немой. Или просто никогда не разговаривает. Или его никто не понимает. Я смотрел на улыбку, на поднятую руку, на бутылку. Так просто вырвать ее из рук Романо. Это не рова. Или не взять бутылку – и есть вырвать рову? Романо устал держать и поставил вино рядом с собой. Дьявол. Везде дьявол. Я попятился и пошел обратно к оливам и рове.

39-й день

Мне дали важную и ценную вещь – автомобиль. Но я оставил его там, где нельзя оставлять, и машину унесло течением. Я прошел несколько метров вниз по реке, нашел и обрадовался. Машина была вся в грязи и иле, так что и очертаний не было видно, – просто огромный ком грязи. Я принялся очищать его.

Появилось зеркало заднего вида, какие-то детали. Через некоторое время я понял – это не тот автомобиль, который мне дали. Да и вообще не автомобиль. Какой-то странный агрегат. Может, мотоцикл?..

Я проснулся. Что означал мой сон? Какая-то упущенная ценность? Я потерял значимую для меня вещь и стараюсь найти. Нахожу, очищаю, но это не мое. Может, это опять про рову?

Я по-прежнему сложно понимал происходящее, но помнил вчерашний день. Я вытащил несколько кустов ровы. Вытащил?.. Вырвал. Одно растение не отдавало себя. Ветками-руками и колючками-пальцами оно держалось за руки и пальцы братьев. И все же если подкопать корни нескольких растений, то их можно было вырвать все вместе. Все семейство.

Вырвать?

Выдрать.

Я обматывал выкопанные стволы вокруг рук, впрягался бурлаком и тащил. Драл. Резким рывком, чтобы ветки подкопанных растений расцепились с оставшейся стеной. Рывка не хватало. Еще рывок, еще. Ты слышишь, как ветки сдаются, становятся слабее. Ты оторвал их на три сантиметра. Но и ты стал слабее. Собираешь все силы – и опять рывок. Еще. Слышишь треск сзади, кусты расцепляются. Тыходишь в раж. Дергаешь снова. Не чувствуешь колючек, которые впиваются в руки и спину. Обмотанный ветками, ты делаешь шаг – за тобой колючими крыльями тянутся, устремившись к стене, ветки ровы, еще шаг – крылья опадают, и ты победителем отходишь от стены, влача за собой поникшие, оторванные от земли, от сестер и братьев, от своей крови и жизни, теперь уже умирающие растения.

Может, это тоже был сон? Может, я не вырывал ничего?

Я посмотрел на свои руки.

Рова меняет себя на мою кожу. Отдав часть себя, она забрала часть меня.

Пьяный китаец колючкой рисовал иероглифы на моих руках.

Я пришел к стене.

Сделанного не было видно. Но несколько веток оливы вырвались на волю. Листьев было немного, света не хватало – но дерево живо. Сквозь убивающую колючку я увидел живое. Мне стало радостно.

Я задумался. Чтобы успеть все за 40 дней – надо очищать по два или три дерева в день, я вчера не очистил даже половины – освободил несколько веток.

– И зачем?

Сзади подкрался Маунти.

Я даже не стал оборачиваться. Обернешься – увидишь оборотня. Откуда я знаю Маунти? Не знаю. Может, я его и не знаю? Уверен, что он будет смеяться и ничего не будет делать, не поможет и будет издеваться. Но сделает это так – как будто помогает, как будто не смеется и не издевается.

Потому я не стал оборачиваться. Я знал Маунти, но никогда его не видел и не хотел видеть.

Хотя откуда я мог его знать – я здесь только второй день. Или тридцать девятый? Эта путаница с днями...

– Это ведь даже не твои оливы? Зачем ты тратишь свое время на них? Пращка за ними не смотрит – они заросли. Ты очистишь – они опять зарастут. Ты знаешь, за сколько поднимается такая стена из ровы? Три-четыре года, и здесь опять будет светонепробиваемая чаща.

– Если очищу – оливы будут жить, – ответил я.

Этим оливковым деревьям лет двести: они жили, когда меня не было. Они могут прожить еще несколько сотен лет: я умру – а они все еще будут жить. Я не знаю, оливы на моем пути или я на пути олив. Но я здесь. У меня сорок дней, и я могу их очистить от ровы. И тогда они будут жить. А если не очищу – они умрут.

Мне хватает этого смысла.

– Нет у тебя никаких сорока дней, – отрезал Маунти.

– Есть. Еще тридцать девять дней впереди.

– Они все равно зарастут и умрут.

– Ты, Маунти, не можешь знать наверняка.

– А вдруг могу? Напрасно все это. А если у тебя не сорок дней, а сорок лет? И ты всю свою жизнь потратишь на чужие оливковые деревья? Глупец!

Маунти удалился. Его слова остались и начали пускать корни. Злые слова – как рова: они прорастают в моей голове, стоит дать им почву. Они пустят ветки вверх, зацепятся за здоровые мысли, переплетутся сами с собой, заполнят все пространство, закроют свет. Станет темно, пусто и колюче.

Может, я глупец? И есть ли у меня сорок дней? Или осталось только два? И почему я здесь?

Я воткнул лопату в очередной корень ровы.

38-й день

Я проснулся. Руки действительно не болели. Пращка не обманул.

Вчера я очистил три дерева. Вчера – жуткий день. Интересно, смогу я выдержать жуткую неделю? Жуть. Какие сорок дней?

Физически можно восстановиться. Но руки... Рова не сдавалась без боя, иголки глубоко впивались в ладони, и к вечеру некоторые пальцы нельзя было согнуть от боли. Руки до локтей были полностью исцарапаны и кровоточили. Рова хваталась за спину, ноги, лицо, вгрызалась колючками в плоть. Она хотела меня оплести, как оливу: «Ты очистишь дерево, а мы опутаем тебя».

И все-таки царапины по всему телу – ничто по сравнению с руками. Руки боролись. Руки рвали рову, а рова рвала руки. Я очистил три дерева и потерял две руки. Пиррова победа...

Пращка держал в руках бутылочку: черная мазь – внутри, иероглифы и кобра – на затертой этикетке:

– Если намажешь, руки будут гореть минут десять. Но завтра будут как новые. Выбери сам.

Глупый вопрос, – простое решение. Весь день нормально работающие руки против десяти минут потерпеть? Я взял крем. Посмотрел на часы, чтобы засечь время, Пращка перехватил взгляд и сказал: «Ты не будешь следить за временем», – но я, не обратив внимания, нанес мазь.

Жечь начало сразу. Через полминуты начало гореть. Я не думал, что слова Пращки надо воспринимать буквально, конечности действительно горели.

Я погрузил руки в кислоту, и кожа хлопьями стала слетать с них. Затем я опустил их в костер. Кожа краснела, покрывалась волдырями, волдыри росли, но не лопались, а чернели, затвердевали, и кисти превращались в угли. Так должно было быть, я это чувствовал. Но я видел свои руки – обычные, только в царапинах, покрытые мазью.

Я хотел убрать мазь, но она уже впиталась.

Я кричал или выл – и не слышал себя.

Я бежал, чтобы исчезнуть, – но не видел, куда бежать. Где бы я ни оказался – там снова была боль.

Я потерял время и нашел боль.

Я стал болью и ни о чем не думал. Мысль была боль. И мысль была остановить эту боль. И больше ничего. Ни пространства, ни времени, ни разума – только боль.

Стихает. Я понял, стихает боль. Я что-то понял. Значит, есть какие-то иные мысли. Значит, я теперь не только боль. Гореть перестало. Только сейчас я смог посмотреть на часы – прошло действительно около десяти минут. Потом я взглянул на Пращку.

– Ноют.

– Завтра утром все пройдет, – он сочувственно смотрел в ответ.

– Завтра вечером ты замучаешься принимать решение, – подошел сзади Маунти.

– Я больше никогда этого не повторю. Я не безумец.

– Посмотрим, – Маунти ехидно засмеялся.

Пращка достал бутылку вина, и Маунти, на что-то сославшись, тут же исчез.

– Хорошее.

Я выпил бокал, и мне стало хорошо, а может, не хорошо, а просто «хорошее», чем было минуту до этого.

– Хорошее вино, – подтвердил Пращка.

В голову прокралась мысль про смысл. Мысль и смысл – они рядом. О чем это я? Хорошее вино. Мысль скачет. Я решил рассказать Пражке о своем однокласснике...

У нас была успешная школа. Какая-то мудреная. Постоянные эксперименты. Увлеченный новыми способами обучения директор. А наш класс был самый мудреный. Мал и удал – всего несколько человек. Собрали умных и нестандартных, и учили, и выпустили. И мы выпустились и разъехались – кто по столицам, а кто по заграницам. И опять престижно где-то учились. А потом куда-то еще более престижно устроились. И могли следить друг за другом по новостям, ученым статьям и бизнес-хроникам. И все это давало нам смысл.

Успешность.

Престижность.

Уникальность.

Подтверждение открытиями, статьями, деньгами, новостями, приглашениями, аплодисментами, подписчиками. Слава-почет-деньги. Чем больше – тем больше смысла. Это было очень понятно. Все вокруг подтверждают, что ты правильно идешь.

Только Новака я не видел нигде. Как выпустились из школы – так и не знал, где он. А потом случайно встретил в соцсетях и подписался. И стал внимательно следить. И все не мог понять, а оттого еще внимательней следил.

Он жил в задрипанном городе, любил свою кошку и своих красивых детей. Жену, скорее всего, тоже любил. Но не показывал. А любовь к кошке, детям и городу показывал. Фотографировал и публиковал. Находил какие-то удивительные вещи в своем городе: то стихи Бродского на облезлом заборе, то свет солнца на обшарпанной стене, то отблеск неба на вонючей речке. Кошка давала поводы для творчества, когда не давал Бродский. А детей он фотографировал любовью.

Я смотрел его фотографии, читал его короткие комментарии и понимал – Новак знает что-то очень важное, чего не знаю я. Чего все мы не разумеем. Я не мог публиковать котика, детишек и отражение неба в луже. А он мог. Я не мог себе это позволить – это ломало мой образ. Мои Успешность, Престижность, Уникальность. Это было против правил. Это не имело смысла. Но мой смысл обесмыслился. Я ждал новых публикаций Новака. Потому что Новак понял смысл жизни. Он жил. В своем задрипанном городе, со своим котом или кошкой, любимыми детьми и, скорее всего, любимой женой. Он был счастлив, радовался жизни и незаметно для себя положил на лопатки все мои достижения.

Мой смысл с большими деньгами и большой славой был мал. А его был велик.

Великий смысл в малом. Важно, чтобы он был бесконечно близок к тебе. Понимаешь, Пражка?

Но Пражки уже не было. Может, его и вовсе не было?

Может, и руки не горели?

Я говорил о чем-то... о чем? Это было не про рову. Это было про другую жизнь. Не про ту, которая сейчас на оливковой ферме. О чем же я говорил? О каких-то смыслах? А в чем, кстати, смысл?

Я уснул.

37-й день

Вчера в середине дня пришел Пражка и сказал, что завтра – то есть сегодня – ему будет нужна моя помощь. Я не мог отказать. По моим расчетам, я не успевал, но и Пражке отказать не имел права. Я очищал оливковые деревья Пражки от колючки Пражки. У меня всего сорок дней. И если я не успею, то...

То что?

Я не знал. Я не мог не успеть. Потому что тогда... что тогда? Мысль боялась зайти в эту дверь. В детстве я боялся смерти. А потом (а может – потому) стал верить в Бога и вечную жизнь и перестал бояться. Но однажды я задумался о вечной жизни: что значит жить вечно? Вечно – это же совсем никогда не закончится. Я стал погружаться в эту мысль, и вдруг меня объял ужас. Я понял – жить вечно так же страшно, как и умереть. И может, еще страшнее, потому как это будет длиться бесконечность.

В тот момент я познал бесконечность, и мне стало настолько страшно и жутко, что я решил больше никогда-никогда, совсем никогда даже рядом не подходить к этой мысли. Живу и все. А как будет там, за гранью? Ну как-то будет.

Так же страшно было представить, что случится, если я не успею очистить всю рову за сорок дней. Но откуда взялись эти сорок дней? И почему рова? И кто такой Пражка? Кто он мне? Маунти сказал, у меня не сорок дней, а сорок лет. Но кто такой Маунти?..

– Пошли, – мои мысли-вопросы прервал Пражка. – Нам в гараж, там мастерская.

Огромный гараж, куда могла въехать пара танков, был грязным, заброшенным и забитым странными вещами – засохшими деревьями в кадках, ржавыми изгородями, большими металлическими и мраморными кубами. Я не успевал все рассмотреть и понять смысл.

Пражка завел меня в дальний угол, где друг на дружке покоились гробы. Деревянные, старые, потрескавшиеся, очень грязные от времени, пыли и крысиного помета. Пражка кивнул в их сторону:

– Возьмем их. Нужно взять восемь штук или... десять... да. Десять штук хватит. Давай берись, понесли. Это быстро. За час управимся.

– Подожди, Пражка, зачем? Что ты хочешь?

– Надо сделать ограду.

– Для чего?

– Марианна посадила цветы. Розы. Там, недалеко от оливковой рощи, – их надо оградить.

– Подожди, подожди. Какие розы? Зачем оградить? – про Марианну я решил пока не спрашивать. Кто это? Потом разберусь.

– От животных, чтобы не убили розы.

– Но зачем гробы? Давай я сделаю нормальную изгородь – вобью колья и оплету вырванной ровой. Будет аккуратно, и в то же время рова не даст никому пройти.

– Нет. Гробы тоже нормально. Ты просто не понимаешь. И никто не перепрыгнет. И заодно гараж немного освободим.

– Пражка, изгородь из гробов для роз – это будет очень страшно выглядеть.

– Тебе нужно просто помочь мне, и все. Ты можешь помочь? – Пражка выстрелил вопросом в упор и смотрел мне в глаза.

Меня смущала ситуация, я не хотел, но испугался и сдался.

– Ну конечно! Конечно, я могу помочь, – мы схватились за первый гроб.

Черт! Отчего он такой тяжелый? Вдруг там внутри что-то есть? Или кто-то? Может, позвать Маунти и Романо? Но где найти Маунти – он обычно сам появляется. И будет ли толк от Романо? Интересно, я смогу принести десять гробов, а потом нормально бороться с ровой?

– Пришли, – вновь прервал мои размышления Пражка. – Кладем!

Мы аккуратно и торжественно положили гроб на землю. Справа от гроба росла трава, точно такая же, как и слева. Такая же, как и везде. Может, еще не дошли?

– Пражка, а где розы?

– Вот здесь! – Пражка указал на место рядом с гробом. – Просто не взошли еще.

– Я думал, роза – это куст. Разве нет? – я смотрел на хозяина фермы.

– Просто не взошли еще, – повторил Пражка.

Мы пошли за вторым гробом. По дороге Пражка неохотно рассказал, что гробы ему достались в наследство от отца. Как и оливковая ферма. Деньги он зарабатывал на оливках. А гробы – это было так... хобби. Ему нравилось делать гробы. Всех родственников хоронили в гробах отца. А потом он умер. Какой-то из этих гробов предназначался для Пражки. Но Пражка не знал, какой.

Второй гроб мы аккуратно положили на первый – одна стенка готова.

Каждый гроб был тяжелее предыдущего. Наверное, это я уставал. Или все-таки внутри гробов что-то было. И каждый раз тяжелее. Когда мы клали десятый гроб, он сорвался у меня из рук, упал и крышка соскочила. Внутри лежала мумия крысы.

Я боялся крыс. И не мог оторвать взгляд. Обтянутая кожей, с оголенными клыками, угловатая серая мордочка, сморщенная в ехидной улыбке, смотрела на меня.

Мы закрыли крышку и опустили гроб на землю. Кому, интересно, предназначался этот гроб?

– Они вырастут, и ты будешь ими любоваться. Это очень хорошо. Спасибо тебе, – Пражка ушел.

Я взял секатор, лопату, и мы втроем пошли бороться с ровой.

Что это было вообще? Все вокруг сходят с ума или я схожу с ума? Как можно было догадаться ограждать несуществующий огород гробами? Кто такая Марианна?

– МариАнна – это вымысел Пражки, – всегда, когда не ждешь, появляется Маунти.

Я не любил Маунти, так же как Маунти не любил Пражку. Но я старался этого не показывать. А Маунти мог интонацией одного предложения выразить все свое неуважение и нелюбовь к Пражке. Мне казалось, Маунти не говорил слова – он их лепил и бросал. Я боялся его. Боялся, что если он начнет говорить про меня – то эти слова будут слеплены из моей плоти. И всю мою плоть он изрыгнет в издевке и ненависти.

– Нет такой, – продолжал он. – Есть Анна – это его мать. Вернее, была. Она умерла давно, когда он был маленьким. А есть Мария – его бывшая жена. Она есть. Но не здесь. Здесь она не смогла жить. Она хотела здесь завести красоту, – Маунти засмеялся. – Красоту... Эх, красота-глупота. А там, где вы поставили этот... забор, там действительно были розы. Она их посадила до того, как ушла. Но их съели бараны, которых завел Пражка. А МариАнны нет, и никогда не было.

Я подошел к стене из Ровы. День еще не начался, а я уже устал.

Мне всегда казалось, что Рова должна быть с большой буквы, потому что она живая.

Зачем Пражка завел баранов? Я воткнул острие лопаты в сердце Ровы, провернул ее и выдрал корень. С корешков, словно капли крови, падали кусочки земли.

36-й день

Я смотрел на руки. Мазь опять сделала свое дело – руки готовы к борьбе. Вчерашние раны остались в памяти, там же спряталась боль – притупленная действием времени. Но остался ужас выбора: идти добровольно на адскую десятиминутную боль или нет. Каждый вечер после действия мази я был уверен, что никогда-никогда, никогда больше этого не повторю. Утром начинал сомневаться. Ближе к вечеру я смотрел на искалеченные руки и понимал, что, скорее всего, повторю процедуру. Нет, не скорее всего – точно повторю. И с этого момента, с момента принятия решения – я начинал бояться. Боялся и ждал. И это боязненное время мне казалось хуже болезненного. Ожидание боли становилось хуже самой боли.

Вчера Маунти посмотрел на мои руки и ехидно сказал, что это не самое страшное. Интересно, что может быть страшней? Чего мне еще ждать?

Я готов работать.

Я не готов работать.

Лопаты и секатора нет.

Я дошел до участка с ровой, но там их тоже не оказалось, да и не могло оказаться. У меня был ежевечерний ритуал: все собрать, неспешно вернуться, положить инструмент у внешней стены дома. Маленькие ритуалы, разбросанные по дню, – казалось, они спасают меня от сумасшествия, и я не пропускал ни один из них.

Я вернулся к дому – инструменты не появились. Взять их мог кто-то из трех. Начну с самого безопасного.

Я обошел дом. Романо сидел на своем месте, прислонившись к стене и в окружении бутылок. Как пес на цепи. Интересно, где он сидит, когда идет дождь? У него есть здесь своя комната?

Я смотрел на Романо, Романо смотрел на меня.

– Романо, ты брал секатор и лопату? – я чувствовал себя глупо.

– ... – Романо улыбнулся и протянул мне бутылку.

– Нет. Я не буду. Ты же не брал лопату, да? Тебе же она и не нужна. Тебе вообще ничего не нужно. Только бутылки. Откуда ты их берешь? Кто тебе их приносит? Как давно ты здесь? Что ты здесь делаешь? Кто ты вообще такой, Романо? Зачем я к тебе пришел?

Это было очень глупо. Я задавал эти вопросы себе, будучи уже далеко от Романо, и искал Пражку. Пражка не всегда был на ферме. Вообще неизвестно, кто здесь был всегда, кроме меня. Но я был уверен: сегодня Пражка здесь.

– Пражка, ты брал лопату и секатор?

Пражка кормил барана. Я вспомнил свой вопрос про барана. Но сейчас мне надо было выяснить, где лопата.

– Зачем они мне?

– Значит, остается Маунти. Пражка, ты знаешь, как мне найти Маунти?

Пражка недоуменно посмотрел на меня, помолчал.

– Я думаю... думаю, ты можешь найти его у себя.

– Где у себя?

Пражка продолжал испытующе смотреть на меня и держать раздражающе длинные паузы.

– Ну там же, где ты нашел его, когда приехал, – опять пауза. – Комната рядом с кухней. Она открыта. Ты проходишь ее каждый день.

Я пошел обратно. Открытая комната? Почему я не помню? И почему Пражка так смотрел? Может, я должен что-то знать? Я зашел в дом. Мимо кухни по коридору, справа проем,

потом двери в комнаты, и в самом конце коридора... стоп! Проем? Я развернулся. Действительно, всегда проходил мимо. Всегда казалось, что здесь какой-то чулан или техническая комната – там было так темно, грязно и пыльно. Я заглянул. Не может же здесь кто-то жить?

На грязной большой низкой кровати лежало помятое покрывало, на котором лежал голый Маунти. Бледно-белый на грязно-темном.

Я первый раз видел Маунти. Но я всегда его видел.

Сейчас я старался не смотреть туда, куда не надо было смотреть. Куда люди обычно смотрят, если человек одетый, – они бросают туда взгляд или нет? В лицо я тоже старался не смотреть. Почему-то мне было страшно встретить его взгляд, и, поискав глазами точку опоры, я стал смотреть сквозь лицо. Мне казалось это неестественным, но так лучше.

– Маунти, ты брал мои секатор и лопату?

– Кто тебе сказал, что они – твои?

– Пражка мне их дал, чтобы я корчевал рову. Мне они нужны. Если ты их брал – верни, пожалуйста.

– Кто тебе сказал, что они твои?

– Я не говорил, что они мои. Я говорю, мне их дал Пражка.

– Они не твои. Они – мои! – Маунти смотрел в потолок. А я не удержался и бросил взгляд туда, куда не надо было смотреть. Что я там ожидал увидеть? Чудо? Маунти поймал мой взгляд, победно улыбнулся, и я почувствовал себя виноватым, мне стало досадно. Как будто он поймал меня за чем-то неприличным. Как странно – человек ведет себя аморально, но вдруг твой единственный брошенный взгляд или слово заслоняют всю его аморальность и забирают ее себе. И теперь ты – главный виноватый.

– Это я их купил, – заявил Маунти, – и дал Романо, когда он боролся с ровой. Он не справился. Пражка их забрал у него. Но это не делает инструменты Пражкиными. Они мои. Если тебе нужны лопата и секатор – иди и купи.

Я смотрел на Маунти и хотел его убить. Его голос был приторно-заботливым. Казалось, он действительно дает тебе дельный совет и хочет помочь.

Если бы не нагота – я бы его убил. Я просто не могу убить голого человека.

Маунти повернулся ко мне спиной и тем, что ниже спины. Мне больше некуда было смотреть. Лица не было. И я не знал, о чем говорить. Я был уверен, что Маунти не отдаст инструмент.

Я повернулся и пошел к Рове. Я освободил десять деревьев. Шел по графику. Впритык. Еще тридцать шесть дней и девяносто деревьев. Десять деревьев на каждые четыре дня. Я не мог пропустить сегодняшний день. Я схватился за ствол ровы и постарался вырвать его, не подкапывая. Это бесполезно.

Я сел на землю, обнял себя за колени.

Потом встал на колени и обнял Бога за плечи. Или он меня обнял. Я успокоился.

Сзади кто-то подошел. Я ждал слащавый голос Маунти. Но стояла тишина. И тот, кто молчал тишину, тоже стоял. Я повернулся. Романо держал в одной руке секатор, в другой лопату, протягивал мне и улыбался.

– Спасибо, Романо.

Я взял лопату. Она превратилась в моей руке в бутылку. Я боялся этого. Нет, показалось. Лопата осталась лопатой. Я взял секатор и принялся за работу. Тишина исчезла, Романо ушел.

С треском умирала Рова. Я складывал растения в кучи позади себя и продвигался вперед.

Романо тоже выдирает Рову – втыкаю лопату. Надо убить Маунти – вырываю корень.

Романо тоже выдирает Рову – хватаюсь за ствол. Или не убивать – выдергиваю Рову из стены братьев и сестер.

Романо тоже выдирал Рову.

Почему у него не получилось?

Или не убивать?

35-й день

Нас было двое. И оба мы решили убить то существо, которое издевалось над другими. Я думал, убивать будет больше второй, а я только помогать. Но мне пришлось тоже убивать. А существо не умирало. Я бил его палкой, я не хотел, мне просто необходимо, чтобы оно умерло и все, но оно продолжало жить. Настойчиво продолжало жить. Я не мог перенести этот кошмар. И проснулся в ужасе.

Снова сон. Что-то означал, наверное. Возможно, я внутри себя расправлялся с какой-то своей частью. Может, это был Маунти? Кстати, я же хотел его убить. Почему?

Он вчера совершил зло. Я не помню конкретно, что. Наверное, и не важно. Когда другой совершает зло, не важно, что конкретно он делает, – важен только факт наличия зла.

Зло нельзя оставлять без ответа. И злом нельзя на зло отвечать. И не замечать нельзя, делать вид, как будто ничего не было. Понимаешь?

Пражка пожал плечами, кивнул и налил вина в бокалы.

– В первую очередь надо зафиксировать, что зло произошло. То есть, понятно, бывает обидно, злость берет, хочется отомстить, потом забыть и так далее. Это все пройдет. Важно запомнить: зло было. Не для злопамятства надо запомнить, для другого совсем. Другого приоткрыть. Понимаешь? Это самое главное! Он же до того как зло совершил, одним был, а как решился на него – другим стал. Может, чуть-чуть, а может, и сильно – но другим стал. В каждый момент выбора – мы себя меняем. Становимся злее или добрее, становимся другими. А когда другой в отношении нас зло совершает – мы его обнаруживаем. Раньше мы его не видели или плохо видели. И вот он совершил зло – и для нас стал прозрачнее. Вот именно для этой прозрачности надо зло запомнить. Другой словно карту приоткрыл свою. Пусть одну, но приоткрыл. А потом важно ответить. А что значит ответить на зло?

Я помолчал. И Пражка помолчал. И я продолжил.

– Ответить на зло – значит, эту открытую карту помнить. И себя в отношении другого поменять. Он сделал зло и поменялся. Но и ты теперь поменялся. Вот, например, другой тебя обманул. Обманул – тоже ведь зло. Обманул, но и карту свою вскрыл, значит, он тебя обманывать может. Да и не только тебя. И вот тебе про это помнить надо. А если ты не помнишь и потом опять относишься к его словам, как к чистой монете, – значит, ты глуп и наивен. Это

уже твоя ответственность. То, что он обманул, – это его вина. Но вот что ты теперь обманулся, во второй раз, – твоя. Думать надо было и помнить.

Или человек гадость тебе про другого говорит. Думаешь, он в отношении другого зло совершает? Да. Но и в отношении тебя тоже. Он ведь тебе говорит! Но ты теперь видишь. Другой тебе карту свою вновь приоткрыл. Ты помни это зло. Потому что раз он про другого говорит гадость, значит, и про тебя будет. И такой вот ответ надо все время держать. В чем участвовать с другим человеком, в чем не участвовать, о чем говорить, о чем не говорить, что слушать, что не слушать. Чему верить, чему нет.

Это и есть на зло ответить, понимаешь?

Маунти много зла совершает. И надо помнить всегда про это.

И Рова – это тоже зло. Деревья умирают. Двести лет жили и теперь умирают. И надо Рову выкорчевывать. Много надо сил потратить. А может, всю жизнь. И все почему? Потому что пока всходы были маленькими – никто не убивал. Все смотрели и думали, ничего страшного. Не надо отвечать, не надо помнить. А теперь видишь, как все обернулось...

– А если добро? – спросил Пращка.

– Что «добро»? – не понял я.

– Если другой в отношении тебя добро совершил?

– То же самое, то же самое. Это тоже важно. Он, значит, так же приоткрылся тебе. И ты помни про это. Это очень важно. Да. Это хороший вопрос, Пращка. Может, это даже еще и важнее. Вчера мне Романо инструменты принес. И этот поступок его все у меня из головы не выходит. Я думал, он только пьет...

– Он не пьет, – тихо сказал Пращка.

34-й день

– Зачем ты ему помогал?
– Он попросил, и я помог. Я всегда помогаю, когда просят.
– Но зачем? Ты же сам утверждал: получится страшно, некрасиво, абсурдно, нелепо и глупо! Почему ты не сказал, что не будешь в этом участвовать? Это было бы хорошо не только для тебя, но и для него!

– Зачем? – Марианна задала свой вопрос еще раз и начала отдаляться. – Зачем ты участвуешь в том, что считаешь неверным?

Зачем я участвую в том, что считаю неверным?

С этим вопросом я проснулся.

Марианна была красивой женщиной. Или девушкой. Или... я не мог вспомнить. Это был образ прекрасного женского. В ее вопросе не было осуждения. Скорее, искреннее желание помочь мне. И ему.

Почему на ферме нет ни одной женщины? Может, поэтому растет рова? Иногда женщина может остановить зло, которое не в силах остановить мужчина. Почему мне приснилась Марианна? Почему мне здесь снятся такие яркие сны?

Я шел к Рове. Задавал себе разные вопросы. Разные неважные вопросы, лишь бы не столкнуться, лишь бы уйти от главного вопроса. Пугающего меня вопроса Марианны: зачем я участвую в том, что считаю неверным?

Зачем я помог Пражке делать забор из гробов для несуществующих роз? Да, это было абсурдно и, главное, некрасиво. Я не люблю, когда некрасиво. Я не люблю, когда бессмысленно. Я не люблю, когда глупо. Но я в этом участвовал. По своей воле. Меня же никто не принуждал. Пражка попросил. Но я мог отказать. Или не мог? Я не подумал и согласился? Или я испугался и согласился? Или я испугался и поэтому не подумал? И поэтому согласился?

Кто такая Марианна? Или МариАнна? Маунти сказал, ее не существует. Но можно ли верить Маунти?

Кто-то увязался сзади. Я сперва услышал стук страха в сердце, а потом треск за спиной. Почему я боюсь Маунти?

Может, потому, что он злой? Он может совершить зло в отношении меня. И мне на это нечего будет ответить.

– Я думаю, у тебя ничего не получится.

– Почему? – ну что за идиотский вопрос? Зачем я спросил? Надо было сказать: «А я думаю, получится». Зачем я ввязываюсь туда, куда не хочу ввязываться, даже в ненужные разговоры? Наверное, это похоже на ситуацию с Пражкой и его гробами.

– Потому что ты не попадаешь в свой собственный график, – усмехнулся Маунти. – Ты придумал график и все рассчитал. Только ты не укладываешься. И в твоих расчетах есть ошибки. Ты не сможешь работать так же быстро, как в первые дни. Ты уже устаешь. А в твоём графике нет выходных. Но это не самое главное, это мелочи. Может, ты и сможешь работать как сумасшедший, кто тебя, психа, знает. Самое главное – другое.

Маунти замолчал. Он ждал от меня вопроса. Но я не стал спрашивать.

Я хотел узнать. Однако желание не подыгрывать Маунти, не делать того, что он ждет, – было намного сильнее. Маунти молчал, но шел сзади. А потом шаги смолкли.

Я замедлился. Думал, Маунти не выдержит и скажет. Он должен сказать, но, возможно, для него обыграть меня в этом маленьком поединке было принципиально.

Что делать? Спросить? Или идти дальше? Шаг. Если спрошу, ничего хорошего не будет. Еще шаг. Но какая «главная причина» меня может остановить? Шаг. Может, я должен знать это? Может, знание поможет мне успеть? Еще шаг. Я не выдержал, остановился и спросил:

– О чем я не догадываюсь?

Голос Маунти раздался прямо над ухом. Все это время он бесшумно двигался следом. Я читал в его голосе ехидную брезгливую улыбку победителя.

– Ты теряешь смыслы. А сегодня – только седьмой день.

Слова Маунти опять ровой начали вращаться в мое сознание. Зачем я спросил? Зачем ввязался опять? Я действительно теряю смыслы. Зачем я борюсь с ровой? Какой в этом смысл? Зачем это мне? Это же не моя рова, не мои оливы, не мои проблемы. Они все равно опять зарастут. Что я здесь делаю? Сегодня только седьмой день. Или осталось еще семь дней? Это большая разница. Как сказал Маунти? Где он? Как всегда, скажет и исчезнет.

Но... подожди... Я потерял смысл до того, как пришел Маунти, и он просто это озвучил. Или он озвучил и я начал терять смысл? Что, если его слова стали причиной потери смысла? Что если он – первопричина? Маунти как-то связан со злом. Его зло легко проникает в меня.

Я о чем-то думал до Маунти. О чем-то важном. И что-то светлое было.

Зачем я участвую в том, что считаю неверным! Точно!

Этот вопрос задала Марианна. Мне хотелось верить, что она существует. Пусть даже во сне. Даже воспоминание о ней давало облегчение, свет и надежду. Что-то хорошее и светлое должно быть в окружающем меня мире.

Зачем я участвую в том, что считаю неверным? Почему я ввязался в Пражкин бред с гробами? Боюсь испортить с ним отношения? Боюсь, он меня выгонит? Боюсь, он меня бросит? Но я знаю его всего несколько дней. И очищаю его оливы от его же ровы. Или это я для себя очищаю? Здесь у меня не было четкого ответа.

А еще я боюсь, что Пражка может меня... да-да... слово не хотело выходить. Я боюсь, Пражка меня убьет. Зачем ему это? Но убил же он... или еще убьет... кого-то... Кого?

Драка отвлекает от любых мыслей, добрых и злых. Я ввязался в драку с Ровой. Маунти сказал, что силы уже не те. Врет он. Он сказал, что смыслов нет. Врет он. Есть смыслы, и силы есть. Надо уничтожить Рову. Надо очистить всю сотню деревьев. Это единственное, в чем я был уверен на сто процентов. По крайней мере сейчас.

33-й день

Романо тоже очищал оливы от Ровы. Романо сидит в окружении бутылок и пьет. Но Романо не пьет. Романо не может говорить. И Романо принес мне инструменты. Кто он такой – этот Романо?

Кто он такой?

Я приходил в себя после пытки мазью. Руки остывали. Пращка внимательно смотрел на меня.

– Кто он такой и откуда он?

Пращка говорил неохотно, с большими паузами. Казалось, каждое предложение доставляло ему боль. Как всегда, когда он говорил о прошлом. А Пращка в основном говорил о прошлом.

– Романо появился три года назад. Он сказал, что был другом отца. Но я его не помню. Романо заявил, что отец ему обещал при жизни какое-то сокровище, какую-то очень ценную вещь, дорогую для него, как память. Что-то в виде шкатулки. Внутри вроде как ничего не было, но она как-то по-особенному открывалась. И самое ценное в этой шкатулке – смотреть, как она открывается. Вместе с этим раскрывалась какая-то тайна, насколько я его тогда понял. Но понимал я его слабо, он уже тогда плохо говорил. Я отвел его в гараж, показал на «шкатулки», которые остались от моего отца. Сказал, вот все, что мне досталось в наследство, – больше ничего нет. И если ему приглянулся какой-то гроб, то он может его забирать, – Пращка печально улыбнулся. – Романо сильно расстроился тогда, у него на эту шкатулку очень большие надежды были. Она его спасти должна была. По его словам, и опять-таки если я его правильно понял. Он попросился пожить и помочь по ферме. Я согласился. Как хочешь, мне-то что. Комнаты свободные. Выбирай. И работу выбирай, какая нравится, – здесь ее полно.

– Деревья! Отца? Родил отец? – спросил Романо.

– Посадил? Ну какие-то и отец, какие-то отец отца, а многие уже были, когда купили эту ферму.

– Хорошо. Хорошее, чем хорошо, – обрадовался Романо. – А чернь? Чернь давно?

– Не понял, какая чернь?

– Чернь. Очерняет оливки. Очерняет небо. Чернь! Все вокруг – чернь. Оливки – и кругом чернь. Везде – чернь.

– А. Колючка? Рова? Рова да, давно. Она потихоньку росла. Но в последние годы активно. Отец находил какой-то способ. А я – уже нет.

– Буду убирать чернь. Будет светло. Будут оливки и небо. Небо в оливках. Может, и спасусь тогда.

– Спасешь? Оливы?

– Да. Да. Спасусь. Успеть надо. Надо успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.